

JUSTIN
CRONIN

JUSTIN
CRONIN

THE PASSAGE

ДЖАСТИН
КРОНИН

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

МОСКВА
2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
К83

Justin Cronin
THE PASSAGE

Copyright © 2010 by Justin Cronin

Map copyright © 2010 by David Lindroth, Inc.

Разработка серийного оформления *Сергея Власова*
Иллюстрация на переплете художника *Михаила Петрова*

Кронин, Джастин.

К83 Перерождение / Джастин Кронин ; [пер. с англ. А. И. Ахмеровой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 816 с. — (Нювинки зарубежной мистики).

ISBN 978-5-04-089562-5

«Все произошло быстро. Тридцать две минуты на смерть старого мира и рождение нового».

Двенадцать преступников, вместо смертельного приговора соглашаются на участие в секретном правительственном эксперименте. Им прививают некий вирус, который может усилить умственные и физические способности человека. В результате родилась «Дюжина». Они практически всеильны и бессмертны. За короткое время ими поработаны или уничтожены почти все жители планеты. Но остались еще поселения, которые пытаются выжить и сохранить независимость. Среди этой горстки непокорившихся прячется девочка Эми, обладающая странной властью над вирусом и его носителями. Но как ей противостоять дюжине сверхлюдей и ордам нежити?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

SBN 978-5-04-089562-5

© А. Ахмерова, перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

*Посвящается моим детям
Пусть вам снятся только добрые сны!*

Мы видели, как времени рука
Срывает все, во что рядится время,
Как сносят башню гордую века
И рушит медь тысячелетий бремя,
Как пядь за пядью у прибрежных стран
Захватывает землю зыбь морская,
Меж тем как суша грабит океан,
Расход приходом мощным покрывая,
Как пробегает дней круговорот
И королевства близятся к распаду..
Все говорит о том, что час пробьет —
И время унесет мою отраду.
А это — смерть!.. Печален мой удел.
Каким я хрупким счастьем овладел!

*У. Шекспир, сонет 64
(Пер. С. Я. Маршака)*

Часть I

САМЫЙ УЖАСНЫЙ СОН НА СВЕТЕ

5-1 д. в.

Дорога к смерти — путь долгий, полный бед и несчастий; с каждым шагом сердце все больше трепещет от ужаса, кости ноют, разум противится, а что в конце? Замки из песка рушатся один за другим, и, сколько ни закрывай глаза, не отгородиться ни от зоны бедствий, ни от совершенных в ней преступлений.

*Кэтрин Энн Портер,
«Бледный конь, бледный всадник»*

1

Прежде чем стать Девочкой ниоткуда, Приблудшей, Первой и Последней, Прожившей тысячу лет, она была обычной малышкой из Айовы по имени Эми Харпер Беллафонте.

Джинетт Беллафонте родила дочь в девятнадцать, назвала в честь своей матери, которую потеряла в раннем детстве, а второе имя, Харпер, дала в честь Харпер Ли, автора «Убить пересмешника», любимой, а если честно, единственной книги, прочитанной в школьные годы. Джинетт подумывала назвать малышку Скаут в честь главной героини книги, потому что хотела видеть ее похожей на Скаут — сообразительной, настойчивой и веселой, какой сама стать не сумела. Однако Скаут — имя для мальчика, и Джинетт не желала создавать дочке проблему на всю жизнь.

Отцом Эми стал мужчина, однажды появившийся в закусочной, где Джинетт с шестнадцати лет работала официанткой. Закусочную, которая ничем не отличалась от обычной забегаловки, все называли Коробкой, потому что она напоминала огромную коробку из-под обуви, брошенную у проселочной дороги. За Коробкой простирались бескрайние поля, на которых росли фасоль и кукуруза. Единственным признаком цивилизации в тех краях была автомойка с самообслуживанием: бросаешь монетку в автомат и моешь машину сам. Тот мужчина, Билл Рейнолдс, занимался продажей комбайнов, жаток и прочей сельхозтехники, так что говорить умел складно. Красотой Джинетт, ее черными как смоль волосами, карими глазами и тонкими запястьями он восторгался при каждом удобном случае — и когда она наливала ему кофе, и потом, и еще много-много раз. Восторгался с неподдельной искренностью, а не бубнил, как мальчишки из школы, — этим бы лишь поскорее своего добиться! Ездил он на большой машине — новеньком «пontiаке» со светящимся — точь-в-точь как на космическом корабле! — приборным щитком и кожаными сиденьями цвета густых сливок. Такого мужчину Джинетт могла полюбить по-настоящему! Увы, Билл провел в городе лишь пару дней: его ждали дела. Когда Джинетт рассказала отцу о «маленьком происшествии», тот собрался разыскать Билла и призвать к ответу. Однако Джинетт умолчала о том, что в далеком Линкольне, штат Небраска, у Билла Рейнолдса была семья. Он даже показал Джинетт фотографии детей, которые хранил в бумажнике, — Бобби и Билли, мальчишки в бейсбольной форме. В общем, сколько бы отец ни расспрашивал о том, «кто ее опозорил», Джинетт упорно отмалчивалась, даже имени не назвала. Если честно, из-за случившегося она особо не расстраивалась, беременность до самого конца переносила легко, а родила быстро, хоть и помучилась. А уж появление маленькой Эми Джинетт не расстроило совершенно! В знак прощения отец превратил бывшую комнату брата Джинетт в детскую: принес с чердака старую кровать, а перед самыми родами свозил дочь в «Вол-март» купить все необходимое: ползунки, распашонки, ванночку и даже детский мобиль. Он где-то вычитал, мол, малышам нужны штуковины вроде мобилей, чтобы мозги «скорее включились и заработали как следует». С самого начала беременности Джинетт думала о ребенке как о «ней», потому в глубине души мечтала о девочке, но понимала:

признаваться в этом нельзя никому, даже себе самой. Когда делали УЗИ в клинике Седар-Фоллз, Джинетт спросила доктора, приятную женщину в форме, которая водила пластмассовым наконечником по ее животу, какого пола ребенок. Доктор засмеялась, взглянула на монитор, где отображался мирно спящий в чреве малыш, и сказала: «Милая, он не выдает себя, наверное, скромничает! Иногда пол четко определяется, иногда — нет, у тебя второй случай». В общем, пол ребенка Джинетт не выяснила, но расстраиваться опять-таки не стала. Потом они с отцом вынесли из детской остатки вещей брата — вымпелы и постеры с бейсболистом Хосе Кансеко, девушками «Будвайзера» и группой «Киллер пикник» — и, посмотрев на обшарпанные стены, покрасили их в цвет «хамелеон», с переливами голубого и розового. Отличный вариант, подойдет и мальчику и девочке! Отец наклеил под потолком обойный бордюр с плещущимися в луже утками и вычистил старое кресло-качалку, некогда купленное на гараж-сейле, чтобы после родов Джинетт могла посидеть в нем с младенцем.

Ребенок родился летом — девочка, как и мечтала Джинетт. Она назвала дочь Эми Харпер Беллафонте. Не Рейнолдс ведь! Зачем нужна фамилия мужчины, которого она больше не увидит? После рождения малышки видеть Билла не хотелось, да и разве Рейнолдс сравнится с Беллафонте?! Беллафонте значит «прекрасный родник», а для Джинетт на всем свете не было ребенка красивее Эми. Она кормила, укачивала дочку, меняла памперсы, заслышав плач, стремглав неслась к ней среди ночи, забыв, что устала после смены в Коробке. «Я здесь, я рядом, — ворковала она, взяв на руки плачущую малышку. — Только позови, мигом прибегу! Так у нас с тобой будет всегда, моя маленькая Эми Харпер Беллафонте!» Джинетт прижимала дочку к груди и баюкала, пока сквозь шторы не пробивались первые солнечные лучи и не начинали петь птицы.

* * *

Когда Эми исполнилось три, Джинетт осталась без отца. Он умер не то от инфаркта, не то от инсульта — проверить и уточнить никто не удосужился. Приступ случился зимним утром, когда отец брел к грузовику, чтобы поехать на элеватор. Он успел поставить кружку с кофе на крыло автомобиля — ни капли не пролил! — и упал замертво. Джинетт по-прежнему работала в Коробке, но денег

не хватало даже на то, чтобы прокормить себя и Эми, а брат, служивший где-то во флоте, на письма не отвечал. «Бог создал Айову, чтобы люди уезжали и никогда не возвращались», — любил повторять он. Как жить дальше, Джинетт не представляла.

Однажды в Коробке появился мужчина. Билл Рейнолдс собственной персоной! Он изменился, и явно не в лучшую сторону. Билл Рейнолдс, которого помнила Джинетт, — к чему лукавить, порой она его вспоминала, хотя в основном разные мелочи, вроде того, как при разговоре он откидывал назад рыжеватые волосы, как дул на кофе, даже на остывший, — источал теплое сияние, притягивающее не хуже магнита: так светятся при надламывании неоновые палочки. Сейчас это сияние исчезло, Билл заметно постарел и похудел. Небритый и непричесанный, сальные волосы торчат в разные стороны, одет не в отглаженную рубашку-поло, как четыре года назад, а в обычную рабочую рубашку, вроде той, что носил отец Джинетт. Рубашка не заправлена, под мышками пятна — казалось, он спал на улице или в машине. Прямо у двери Рейнолдс перехватил взгляд Джинетт, и она прошла за ним в кабинку в глубине зала.

10

— Что ты здесь делаешь? — спросила Джинетт.

— Я ее бросил, — ответил Билл, и Джинетт почувствовала запах пива, пота и грязной одежды. — Сел в машину и уехал! Я свободный человек, Джинетт! Я бросил жену.

— И ты ехал из Небраски, чтобы мне об этом сообщить?

— Я думал о тебе. — Билл откашлялся. — Много думал. Я думал о нас...

— О нас? «Нас» не существует! Нельзя же просто так вваливаться и с порога заявлять, что думал о нас!

— Мне можно! — Билл расправил плечи. — Можно, и я заявляю!

— Не видишь, я занята! Просто так с тобой болтать не могу, ты должен сделать заказ.

— Хорошо, — кивнул Рейнолдс, глядя не на меню, а на Джинетт, — тогда мне чизбургер. Колу и чизбургер.

Джинетт записывала заказ, но слова расплывались, и она поняла: из глаз текут слезы. Когда она в последний раз высыпалась? Месяц, год назад? С хроническим переутомлением Джинетт боролась из последних сил, но всему есть предел. Порой ей хотелось что-то изменить: постричься, получить аттестат, открыть магазин-

чик, перебраться в настоящий город вроде Чикаго или Де-Мойна, снять квартиру, завести друзей. Перед мысленным взором Джинетт то и дело возникала картинка: она в ресторане, нет, в кофейне, но очень хорошей. На улице осенняя сырость и холод, а она уютно устроилась за столиком у окна и читает книгу. На столе чашка с горячим чаем. Вот она отрывается от чтения и смотрит в окно, на людей в теплых пальто и шляпах, на собственное отражение... Но сейчас тот образ казался далеким и чужим, картинкой из нереальной жизни. Реальностью была Эми, которая в дрянном детском саду подхватывала то простуду, то кишечную инфекцию, и отец, умерший в одночасье, — раз, и нет человека! — а тут еще Билл Рейнолдс сидит перед ней, точно отсутствовал не четыре года, а секунду...

— Зачем ты так со мной?

Рейнолдс долго смотрел в глаза Джинетт, а потом коснулся ее руки.

— Давай встретимся после твоей смены. Пожалуйста!

В итоге Билл поселился у них с Эми. Джинетт не помнила, сама ли его пригласила или просто так вышло. В любом случае, она вскоре об этом пожалела. По сути, что представлял собой Билл Рейнолдс? Он бросил жену и сыновей, Бобби и Билли в бейсбольной форме, и дом в Небраске. «Понтиак» исчез вместе с работой. «При нынешнем состоянии экономики покупатели вымерли!» — жаловался Рейнолдс, а потом хвастал, что у него есть план, который, похоже, заключался в круглосуточном безделье и нежелании убирать за собой посуду, и это при том, что Джинетт по-прежнему вкалывала в Коробке. Месяца через три пьяный Билл впервые ее ударил. Он тотчас разрыдался, снова и снова твердя, что этого больше не повторится. Рухнул на колени и причитал, словно это Джинетт его обидела. Она, мол, должна понять, как ему сложно, как непросто пережить перемены, это выше человеческих сил! Он любит ее, сожалеет о случившемся и клянется, что больше никогда, никогда пальцем не тронет! Ни ее, ни Эми... В полном замешательстве Джинетт сама начала извиняться.

В первый раз Рейнолдс ударил ее из-за денег, потом наступила зима, денег на счету Джинетт не хватило на мазут, и он ударил ее снова.

— Мать твою, неужели не видишь, что я в полном дерьме?

Удар оказался настолько сильным, что Джинетт потеряла равновесие и растянулась на полу кухни. Поразительно, но в тот момент она поняла, что пол весь в пятнах, а у основания шкафчиков скопились плотные комки пыли. Часть разума ужасалась запущенности кухни, а часть рассуждала: «Джинетт, у тебя же мысли путаются! Похоже, Билл вышиб тебе последние мозги, поэтому в такой момент ты думаешь о пыли». Со звуками тоже творилось странное. Эми смотрела телевизор на втором этаже, а Джинетт казалось, песенка лилового динозавра Барни раздается у нее внутри. Где-то далеко рокотал мотор автоцистерны, которая выезжала со двора и сворачивала на проселочную дорогу.

— Это не твой дом! — заявила Джинетт.

— И то верно! — Билл достал бутылку виски «Олд крау» и, хотя было лишь десять утра, плеснул в банку из-под варенья, потом устроился за столом и вытянул ноги. — Мазут тоже не мой!

Джинетт перевернулась на живот, но встать не смогла. Целую минуту она смотрела, как Билл потягивает виски.

12

— Убирайся!

Билл засмеялся, покачал головой и хлебнул виски.

— Выгоняешь меня, а сама на полу валяешься, вот умора!

— Я серьезно. Убирайся!

В кухню вошла Эми, держа в руках плюшевого кролика, которую повсюду носила с собой. На девочке был красивый комбинезон с вышитой на грудке клубникой, Джинетт недавно купила его в «Ош-кош-би-гош». Одна бретель расстегнулась и упала на пояс. «Нет, — Эми в туалет хочет, вот и расстегнула», — догадалась Джинетт.

— Мамочка, почему ты на полу? — пролепетала малышка.

— Все в порядке, милая! — ответила Джинетт и в подтверждение своих слов встала. В левом ухе звенело, перед глазами — совсем как в мультфильмах! — кружились птички. На правой ладони запекалась кровь — эх, знать бы еще откуда... Джинетт подняла Эми на руки и постаралась улыбнуться. — Видишь, мама просто упала, ничего страшного! Хочешь на горшок, да, солнышко?

— Нет, ну ты посмотри! — ухмыльнулся Билл и пригубил виски. — Видела б ты себя, шлюха безмозглая! Девчонка небось не моя!

— Мама, ты порезалась! — Эми показала на лицо Джинетт. — На носу кровь!

То ли от слов Рейнолдса, то ли от вида крови малышка разревелась.

— Вот дурища, чего натворила! — посетовал Билл и пробурчал, обращаясь к Эми: — Ладно, ладно, успокойся! Ничего страшного, иногда люди ругаются.

— Повторяю, убирайся отсюда!

— Как же ты справишься, скажи на милость? Сама ведь даже мазут в котел не залешь!

— Думаешь, я этого не понимаю? Ничего, как-нибудь справлюсь!

У Эми началась истерика, и Джинетт, по-прежнему державшая ее на руках, почувствовала, как по животу течет что-то горячее: малышка описалась.

— Господи, да успокой ты девочку!

Джинетт прижала дочку к себе.

— Ты прав, Эми не твоя! Не была твоей и никогда не будет! А сейчас убирайся, не то шерифа вызову!

— Не смей так со мной поступать, Джин! Это не шутки.

— А я поступаю! Представь, именно так я и поступаю!

Рейнолдс вскочил и стал рыскать по дому, с нарочитым шумом и грохотом рассовывая вещи по коробкам, в которых несколько месяцев назад их привез. «Даже чемодана нет... Как же я сразу внимания не обратила!» — недоумевала Джинетт. Она села за кухонный стол, устроила на коленях Эми и, уставившись на часы, принялась отсчитывать минуты: сейчас вернется Билл и снова ударит. Хлопнула входная дверь, тяжелые шаги заскрипели на крыльце. Рейнолдс ходил туда-сюда, перетаскивал коробки, дверь не закрывал, и по дому всюю гулял сквозняк. Наконец Билл появился на кухне, и на грязном полу отпечатались рифленые следы его ботинок.

— Гонишь меня? Что же, смотри! — Он взял со стола бутылку «Олд кроу» и объявил: — Даю тебе последний шанс!

Джинетт промолчала, она даже глаз не подняла.

— Вот, значит, как? Ладно... Не возражаешь, если хлебну на дорожку?

Джинетт схватила его стакан и швырнула через всю кухню. Бросок получился отменный, даже не бросок, а хлесткий удар, как ракеткой по мячу. Швырнуть стакан Джинетт решила в последнюю секунду. Она чувствовала, что поступает неправильно, но обратно-

го пути уже не было. Стакан с глухим стуком ударился о стену и, не разбившись, упал на пол. Джинетт зажмурилась и крепче прижалась к себе Эми, понимая, что случится дальше. Воцарившуюся тишину нарушал лишь звук катящегося по полу стакана. Джинетт ощущала волны гнева, исходящие от Билла.

— Ничего, жизнь тебя проучит. Запомни мои слова, Джинетт!

Тяжелые шаги закрипели сперва в коридоре, потом на крыльце — он ушел!

* * *

14

Джинетт купила побольше мазута и в целях экономии поставила термостат на десять градусов. «Эми, солнышко, считай, что мы отправились в поход! — объявила она, натягивая на дочку шапочку и рукавички. — Ну вот, холод нам не страшен. А поход — это всегда приключения!» Спали они вместе под ворохом старых одеял; в комнате стоял такой холод, что от дыхания клубилась дымка. Джинетт начала работать в ночную смену — мыла полы в местной школе, а за Эми присматривала соседка. Увы, вскоре соседку положили в больницу, и малышку пришлось оставлять дома одну. Джинетт объяснила дочке, как себя вести: «Не вставай с кровати, ни в коем случае не подходи к двери, просто закрой глазки, а утром проснешься — я уже рядом!» Джинетт заранее укладывала дочку и, лишь убедившись, что она спит, на цыпочках выбиралась из дома и быстро шагала по заснеженному двору к машине, которую специально парковала подальше, чтобы шум мотора не разбудил Эми.

Однажды она допустила непростительную ошибку: поделилась своими бедами с другой уборщицей, когда они вместе вышли на перекур. По-настоящему Джинетт не курила, да и денег на сигареты жалела, но сигареты отгоняли сон, а без перекуров она бы просто не вынесла бесконечную череду грязных классов, коридоров и туалетов. Джинетт умоляла сослуживицу по имени Элис никому не говорить, понимая, что может нажить себе серьезные проблемы, но та, разумеется, отправилась напрямик к завхозу, и Джинетт уволили. «Нельзя оставлять ребенка одного! — поучал завхоз в крохотной комнатухе у бойлеров, где стояли исцарапанный стол и продавленное кресло, а на стене висел прошлогодний календарь. От жары и духоты Джинетт едва не задышалась. — Скажи спасибо, что в Отдел по защите прав детей не сообщил!» «А ведь он прав, — ду-

мала Джинетт. — Господи, куда я качусь?!» Прежде завхоз никогда ее не обижал, и в другой ситуации Джинетт, вероятно, сумела бы объяснить: без ночной работы им с Эми не выжить, но от усталости не нашла нужных слов. Она молча взяла последний платежный чек и поехала домой на развалюхе «кии», купленной еще в школьные годы. Машина рассыпалась буквально на глазах: Джинетт казалось, по дороге за ней тянется шлейф болтов и гаек. Она остановилась у «Квик-марта» купить сигареты, а потом мотор попросту не завелся. Джинетт разрыдалась и не могла успокоиться добрых полчаса.

В машине «умер» аккумулятор, за новый пришлось выложить в «Сирз» целых восемьдесят три доллара. К тому времени Джинетт не появлялась в Коробке целую неделю, и ее уволили и оттуда. Оставалось одно — собрать вещи и уехать.

* * *

Никто так и не узнал, куда подевались Джинетт и Эми. Дом промерз насквозь; трубы лопнули, как переспелый плод, а весной дали течь. Коммунальное предприятие, обнаружив, что счета не оплачиваются, прислало рабочих перекрыть воду. Первыми в доме поселились мыши, а после того, как во время летней грозы разбилось окно второго этажа, — ласточки. Они свили гнезда в спальне, где зимой мерзли Джинетт и Эми, и вскоре стали в доме настоящими хозяевами.

В Дубьюке Джинетт работала по ночам на заправке, а Эми спала в подсобке, пока об этом не узнал хозяин и с треском не выгнал обеих. Слава богу, было лето — они жили в «кии» и умывались в туалете заправки, поэтому «убраться» означало лишь уехать. На какое-то время они поселились в Рочестере у школьной подруги Джинетт, которая перебралась туда учиться на медсестру. Подруга устроила Джинетт уборщицей в больницу, где работала сама, но за мытье полов платили сущие крохи, а в квартирке и без ребенка места не хватало. Джинетт сняла номер в мотеле, но там Эми оказалась без присмотра. В итоге мать и дочь снова стали жить в машине. Пришел сентябрь, а с ним осенняя прохлада. По радио круглые сутки говорили о войне. Джинетт двигалась на юг и, прежде чем «киа» «умерла» окончательно, успела доехать до Мемфиса. Подобрал их мужчина на «мерседесе», который назвался Джоном, но